

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВА СОЗИДАЮЩЕГО

Е. Е. Тонков, Л. А. Пожарова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

PERSONAL DIGNITY AS A PRIORITY OF THE CREATING STATE

E. E. Tonkov, L. A. Pozharova

Belgorod State National Research University

Аннотация: авторы статьи обосновывают идею государства созидającego, в котором достоинство личности приобретает статус общепризнанного и конституционно обусловленного феномена, нормативно конкретизированного и позволяющего находиться ей под охраной государства в виде законодательных, институциональных и процессуальных гарантий. По их мнению, в современной России сложился определенный разрыв между уровнем развития правовой науки и уровнем развития отраслевого законодательства, от которого в значительной мере зависит не только состояние государственных связей, но и состояние защищенности человека и гражданина. Осознание личностью собственного достоинства нередко инициирует противодействие по отношению к несправедливости и попытку восстановления нарушенных прав, поэтому история развития общества во многом сопровождается отстаиванием человеком имеющихся прав и свобод. Феномен достоинства личности в государстве созидающем, являющемся альтернативой корпоративному или автократическому государственно-правовым режимам, способствует взаимодействию институтов морали и права. Право на достоинство предполагает невмешательство государства в частные дела, не противоречащие действующему законодательству, уважение частной жизни лица, служит барьером на пути создания в государстве тотальной регламентации повседневной жизни граждан, запрещающей любое свободомыслие. Исторический опыт свидетельствует, что игнорирование права на достоинство может привести к ситуации, когда незаконное вмешательство в сферу частной жизни станет нормой повседневной деятельности государственного аппарата, повлечет формирование атмосферы правового произвола. Уважение человеческого достоинства формируется в гражданском обществе, основанном на принципах законности, справедливости, взаимной ответственности между государством и личностью.

Ключевые слова: достоинство, личность, государство созидающее, право, политика, охрана, защита, коррупция, преступность, криминализация.

Abstract: the authors of the article substantiate the idea of a state of creation, in which the dignity of the individual acquires the status of a universally recognized and constitutionally determined phenomenon, normatively specified and allowing it to be protected by the state in the form of legislative, institutional and procedural guarantees. In their opinion, in modern Russia there is a certain gap between the level of development of legal science and the level of development of sectoral legislation, on which not only the state of state relations, but also the state of protection of a person and a citizen largely depends. A person's awareness of his own dignity often initiates opposition to injustice and an attempt to restore violated rights, so the history of the development of society is largely accompanied by a person's upholding of existing rights and freedoms. The phenomenon of the dignity of the individual in the state of creation, which is an alternative to corporate or autocratic state-legal regimes, promotes the interaction of institutions of morality and law. The right to dignity implies non-interference of the state in private affairs that do not contradict the current legislation, respect for the private

life of a person, serves as a barrier to the creation in the state of a total regulation of the daily life of citizens, prohibiting any free thought. Historical experience shows that ignoring the right to dignity can lead to a situation where unlawful interference in the sphere of private life becomes the norm of the daily activities of the state apparatus, entails the formation of an atmosphere of legal arbitrariness. Respect for human dignity is formed in a civil society based on the principles of legality, justice, mutual responsibility between the state and the individual.

Key words: dignity, personality, state of creation, law, politics, protection, corruption, crime, criminalization.

Достоинство личности, рассматриваемое в философии как осознание человеком и обществом факта обладания определенными нравственными качествами и репутационными параметрами с точки зрения юриспруденции является не только объектом охраны со стороны государства, но и потенциальной возможностью каждого отстаивать свои права любым не запрещенным законом способом. Если защита человека, его прав и свобод от посягательства со стороны государства – задача демократического общества, то защита личности, ее прав и свобод от самого общества с его разнообразными, пользующимися политическим и экономическим влиянием группами, которое тоже способно посягать на права и свободы индивидуума, является обязанностью государства.

Защита человека, его прав и свобод требует от государства активных действий и предоставления ему соответствующих прав. Человек, его права и свободы должны защищаться государством с помощью различных норм права, однако для признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека необходимы существенные усилия государства в материальной и духовной сферах, а также, что самое главное, его желание эти усилия предпринимать.

Достоинство личности – это всегда целостная категория, имеющая историко-конкретный характер. Ее особенности обусловлены и географическим положением государства, и размерами территории, и социально-экономическим и культурным развитием. Существенное влияние оказывает и национальный менталитет. В настоящее время сложился, на наш взгляд, существенный разрыв между уровнем развития правовой науки и отраслевого законодательства, от которого в значительной мере зависит состояние не только государственных связей, но и защищенности человека и гражданина.

В научной литературе встречается достаточно много работ, затрагивающих осуществление

гражданином своего права на достоинство, которое зародилось на заре появления человеческого общества и представляет собой ценность, принадлежащую всем людям. Охрана достоинства личности государством служит индикатором его социально-политической и нравственной состоятельности, зрелости и формирует социологический ресурс для объективной оценки достигнутых параметров цивилизованности общества (если они вообще существуют и поддаются измерению).

Следует подчеркнуть, что достоинство нередко противостоит эмпирической причинно-следственной связи событий и диктует человеку закон, не совпадающий с его материальными интересами и практической целесообразностью, заявляя о себе вопреки якобы очевидной и необходимой логике фактов. Причина данного парадокса заключается в максимально широком диапазоне исследуемого феномена.

Можно предположить, что исторические ранние представления о достоинстве наблюдались еще в первобытном обществе, так как совместное проживание и труд служили способом существования человека «равного среди равных», являлись предпосылками формирования не только оценки его поведения со стороны других, но и собственной самодостаточности. Догосударственное общество представляло собой синергетическую систему поведения и взаимодействия людей и было способно вырабатывать ценностные ориентиры (мононормы), обеспечивая реализацию личностных потребностей по определенным правилам.

В догосударственном обществе, которое выступало в качестве нормативного определителя социальной справедливости на основе мононорм, личность почти всегда ассоциировалась с племенем, родом. Оскорбление одного лица считалось оскорблением целого рода или племени, обладавших действенными ресурсами и механизмами контроля за поведением человека.

Личность фактически поглощалась группой, к которой она относилась. Эти обычаи поддерживались силой устоявшегося и общепринятого порядка, властью привычки и массового мощного «прессинга» окружающих в отношении индивида. Равенство людей предполагалось как бы «само собой», что, вероятно, предполагало одинаковое уважение равных прав и достоинства каждой личности.

Если в праве предписания формулируются и реализуются в виде общеобязательных и установленных законодателем норм, то требования обычаев возникают и развиваются в самой практике массового поведения, в процессе постоянного и длительного взаимодействия людей, являясь отражением исторического жизненного опыта в общинных и индивидуальных представлениях, чувствах и воле. Процесс реализации требований господствовавших мононорм мог контролироваться всеми членами общества без исключения (естественно, что понятия дееспособности и правоспособности, как и характерное для институциональных норм разделение субъекта и объекта регулирования, отсутствовали).

Каждая последующая эпоха по-своему решала вечные проблемы человеческого достоинства, по-новому переосмысливая истины, которые предшественниками считались абсолютными.

Так, в элитологической науке Платона достоинство во многом определяется социальной стратификацией, однако с учетом психологии людей, которых он разделяет на избранных (*aristos*) и слуг, называемых им толпой или массой. В своем фундаментальном труде «Государство» Платон показывает, что толпа не может обладать достоинством, поэтому не представляет никакой ценности для избранных¹.

В работах немецких исследователей отмечается, что Платон различал следующие разновидности достоинства: природное (естественное) достоинство, дающееся от рождения; достоинство, формирующееся в результате воспитания; достоинство, приобретаемое посредством образования².

Расширительное понимание категории «достоинство» было обусловлено определенными этико-философскими концепциями того времени, в которых само достоинство или его истори-

ческие синонимы (например, честь) интерпретировались в нескольких различных смыслах. В ранней древнегреческой философии достоинство входило в сферу морали, практической мудрости, благоразумия, добродетели, которая, в свою очередь, включала все положительные качества человека.

Аристотель в учении о добродетелях, представленном в знаменитых трактатах «Никомахова этика», «Евдемова этика» и «Большая этика», утверждал, что добродетель является «похвальным приобретаемым свойством души» и каждый человек должен своим трудом, обучением и воспитанием стремиться к ее достижению. По его замечанию, всё, что мы имеем от природы, первоначально предоставляется нам лишь в виде возможностей, впоследствии реализующихся в действительности³.

Аристотель называл теорию высшего блага, справедливости и добродетели политикой, а название «этика» было дано его учениками, которые записывали лекции великого философа. Связывая достоинство человека с его добродетельностью, цель и главную заботу политики он видел в том, чтобы придать гражданам известного рода хорошие качества и сделать их людьми, поступающими прекрасно⁴.

По его мнению, законодатели могут влиять на добродетельность граждан путем выработки хороших привычек, которые со временем будут формировать черты характера индивида и заставлять находить удовольствие в добрых делах. Именно в работах Аристотеля мы впервые можем обнаружить дифференцированное понимание достоинства для отдельных социальных слоев населения. Рассматривая достоинство и честь как величайшее из внешних благ, он отмечал, что «великие люди требуют себе более всего чести и славы, сообразной их достоинствам» (Этика, IV), констатируя некоторую зависимость между достоинством и имущественным положением.

Придерживаясь указанной позиции, Аристотель приводит доводы, согласно которым «честь признается принадлежащей людям высшего рождения, правителям и богам, так как они выше других в силу каких бы то ни было благ, ибо благодаря им их уважают, хотя по справедливости, только хороший человек заслуживает

¹ См.: Платон. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 744.

² См.: Ricken F. Platonismus und Pragmatismus. Eine Interpretation von Platon, «Politeia» // Theologie und Philosophie. Freiburg etc., 1995. Jg. 70, H. 4. P. 481–493.

³ См.: Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 167.

⁴ См.: Там же. С. 158.

уважения, а кто соединяет имущественное положение и хорошие человеческие качества, того еще более уважают»⁵.

Характеризуя принцип справедливости, который он считал «государственным благом»⁶, Аристотель использует метод классификации социальных страт по отношению к достоинству, подчеркивая, что «...мерило достоинства не все видят в одном и том же: граждане демократии видят его в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели»⁷. Таким образом, в понимании Аристотеля, достоинство является комплексным понятием, складывающимся из таких элементов, как разумные суждения, добросовестное поведение, внутренние положительные качества, включая законопослушание, добродетельность и умеренность. Он доказывал, что добродетели – это социально-предписываемые и одобренные качества души, которые не даются человеку от природы, а воспитываются целенаправленным действием и упражнением.

В сознании жителей Древней Греции государство представляло такую организацию общественных отношений, где санкций законодателя опасались значительно меньше, чем порицания окружающих. Огромное, если не определяющее влияние, по-прежнему имело мнение общества, которое не только выражало интересы своих членов, но и выполняло правотворческую функцию, вырабатывая собственные нормативные регуляторы общественных отношений, преобразовывавшиеся впоследствии в законы. При этом важную миссию выполняло правовое общение, представляющее собой «практическое претворение навыков и форм справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены определенными гарантиями»⁸.

Понятие достоинства развивалось параллельно с представлениями о чести, связанной с локализованной принадлежностью к определенному социальному слою, отличающемуся внутренним благородством и корпоративными кодексами чести, присущими только избранным.

Как отмечал О. Г. Дробницкий, «в этом отношении понятие чести становится подчиненным категории более высокого порядка – достоин-

ству личности, «самоценности» человека как такового»⁹. Он подчеркивал, что выразители умонастроений деклассированной интеллигенции Эллады (киннки), а еще более отчетливо – стоики, с их идеей космополиса и градацией обязанностей по концентрическим кругам, «проволашают сохранение личного достоинства первейшей обязанностью человека»¹⁰.

В римском праве отчетливо проявляется выделение юридических норм из первоначально совокупной синкретичности обычно-традиционных регуляций первобытного общества, в связи с чем достоинство (*dignitas*) во многом определялось кастово-сословными привилегиями и ассоциировалось с определенными статусными группами. Чем более почетную или престижную должность занимал гражданин, тем на более высокое достоинство он мог претендовать. Римский гражданин, как считалось, обладает теми или иными правами не от рождения, а в зависимости от того, какие права ему дает государство (или отказывает в них). Право на достоинство рассматривалось в римской юриспруденции как одна из привилегий, которая могла быть утрачена по усмотрению государства. Это подразумевало разную ответственность разных лиц за одни и те же действия, т. е. фактически легализовало избирательную юстицию. Рабы в римском праве рассматривались как вещи (*servus est res*), в связи с чем не могли претендовать на право достоинства, хотя с нравственной точки зрения, безусловно, им обладали.

Достоинство у римлян не дает каких-либо готовых моделей и образцов поведения, а предлагает лишь общее основание существующим нормам поведения и критерии для применения правил и парадигм в различных обстоятельствах. Обладая тем или иным правом на достоинство, человек может поставить перед собой и обществом вопрос, почему он должен следовать установленным нормам, и насколько они правомерны? Достоинство как бы фиксирует возросшую в условиях поздней античности автономию личности, поставленной в привилегированное положение по тем или иным основаниям.

В период Средневековья важнейшей отличительной чертой мировоззрения в европейских странах являлась ориентация на Бога и связанная с ним идея спасения. Представления о до-

⁵ Аристотель. Указ. соч. С. 230–231.

⁶ Там же. С. 521.

⁷ Там же. С. 252.

⁸ Графский В. Г. Правовое общение в прошлом и настоящем // Право и политика. 2011. № 1. С. 76.

⁹ Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 65.

¹⁰ Там же.

стоинстве человека базировались на религиозно-мистифицированных представлениях о равенстве всех перед Богом и сотворении человека по божественному образу и подобию. Христианская церковь делает акцент на смирении, укрощении «плоти и гордыни» в противовес культу разума и воли человека в античные времена.

Выдающийся богослов и философ Фома Аквинский (Аквинат) полагал, что благо отдельного человека, общества и универсума определяется божественным замыслом, и нарушение человеком божественных законов является действием, направленным против его собственного блага. При этом закон определялся им как любое проявление разума, которое провозглашается ради общего блага тем, кто печется об обществе. Достоинство Аквинат ограничивал совестью, противящейся несправедливому закону¹¹.

Отражая кризис и противоречивость исторических условий Средневековья, понятие достоинства само оказывается сопряженным из внутренних противоречий. Тем не менее именно в Средние века право претендует на тот или иной «объем» достоинства, определяемый по принципу социальной стратификации, постепенно формализуется, обретая юридические параметры. С правовой точки зрения того времени человеческое достоинство отражало сословную принадлежность его носителя. Деление на сословия считалось богоустановленным и представлялось достаточно функциональным способом управления обществом.

Как же случилось, что по прошествии многих столетий и кровопролитных поисков оптимальной формы общежития людей, мы вновь вынуждены обращаться к решению проблемы единообразного понимания права на достоинство? Как произошло, что провозглашаемые Конституцией формально равные права всех людей на счастье реально обеспечивают «запрограммированное», по словам одного из героев самого популярного новогоднего фильма, счастье лишь небольшого меньшинства населения и его иллюзию всех остальных? Общечеловеческие ценности, содержащиеся в Основном законе, достаточно легко размываются самим течением практического бытия социума. Например,

¹¹ См.: Бандуровский К. В. Проблемы этики в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 156.

хотя природные ресурсы названы в Конституции основой жизни и деятельности народов, но их возможность нахождения в частной собственности оказалась удобным средством, позволяющим ограниченному кругу лиц выжимать из них максимальную прибавочную стоимость, стать подлинными олигархами, способными даже влиять на формирование выгодной для себя государственной политики. При этом Конституция превращается в надежное моральное и правовое прикрытие их корыстных интересов, занимаемого положения и неблагоприятной деятельности, а государство всё больше приобретает очертания гоббсовского Левиафана, «искусственного человека», который постепенно забывает, что он был создан для защиты и охраны человека естественного¹².

По словам Президента России В. В. Путина: «...сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг к другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»¹³.

Декларируемые Конституцией принципы (да и она сама) становятся своеобразной охранной грамотой высшего социального слоя в стратификационном иерархическом пироге. Равенство олигархов, высокопоставленных чиновников и основной массы граждан оказывается абстракцией, фикцией, декорирующей фактическое положение дел, когда население абсолютно отстранено от получения даже минимальной доли доходов от использования природных ресурсов, а напротив, заключено в кабалу все возрастающих потребностей владельцев газовых трубопроводов и нефтяных вышек, угольных шахт и электростанций. Внешне Конституция продолжает выглядеть как общечеловеческий гарант справедливости, но на самом деле служит оправданием возродившихся капиталистических отношений на просторах разрушенного постсоветского наследия.

Отказ от верности идеалам добра и справедливости, содержащей в себе на генетическом уровне следы ритуализованного поведения, в

¹² См.: Гоббс Т. Левиафан. Человеческая природа. О свободе и необходимости / пер. с англ. А. Гутермана. СПб., 2022. С. 9.

¹³ Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Российская газета. 2013. 13 дек.

целях получения выгодных перспектив, подкрепленных соответствующими гарантиями, оказался для современных нуворишей не таким уж сложным делом. Если при этом у некоторых из них и возникает чувство вины или стыда за нарушение требований верности, то оно весьма скоро ретушируется дивидендами. Противоречивые тенденции в различных сферах жизни российского общества не могли не найти своего отражения в праве, которое является универсальной системой нормативного регулирования социальных процессов, вследствие чего противоречия пронизывают сегодня все уровни системы отечественного законодательства. Несмотря на относительную самостоятельность, право, как и другие виды социальных норм, осуществляет специфические регулятивные функции не изолированно, а в тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами, в частности моралью.

Как отмечал в связи с этим Гегель, который одним из первых с философской точки зрения наиболее полно и всесторонне исследовал характер связи и взаимодействия противоречивых предметов и явлений, «... всё, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. Благодаря отношению существующее – не абстрактно, не стоит само по себе, а есть лишь в другом, но в этом другом оно есть отношение с собою, и отношение есть единство соотношения с собою и соотношения с другими»¹⁴.

Вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, объемлющей всё существующее в мире в единое целое. При этом имеется в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то и другое чрезвычайно важно), но на выполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим в том числе использование нравственного потенциала общества.

Известно, что один из лидеров Великой французской революции М. Робеспьер, ставший впоследствии жертвой своего детища (помним,

что «революция пожирает своих героев»), призывал заменить честь честностью, власть моды – властью разума, нормы приличия – обязанностями, правила хорошего тона – моделью поведения благопристойных людей. Моральное переосмысление основных ценностных ориентиров и нравственных идеалов, подтвержденное законотворческими инициативами революционеров, отражало результат качественного изменения общественного правосознания. Аналогичная ситуация спустя 120 лет повторилась и в России. Считаем необходимым подчеркнуть, что роль социальных, в том числе и правовых норм, не сводится к созданию непреодолимых ограничений для личности, но рассматривается в качестве фактора, определяющего поведение индивидуума в жизненно важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимального возможного уровня свободы каждого из нас.

При всем многообразии и разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями в процессе реализации конституционных норм общим основанием для них является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия. Основными признаками диалектических противоположностей правовых ограничений и правовых возможностей являются взаимоположение, взаимопроникновение и асимметрия, что означает наличие в каждом случае ведущей (доминирующей) и ведомой (подчиненной) сторон, каждая из которых характеризуется своей тенденцией изменений.

Как отмечалось в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., «свобода состоит в возможности делать всё, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами»¹⁵.

Конституция современного государства предназначена для эффективной охраны и защиты прав и свобод человека, в чем и заключается ее смысл в цивилизованном обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 301.

¹⁵ Маклаков В. В. Современные зарубежные конституции : учеб. пособие. М., 1992. С. 98.

интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других.

Еще И. Кант заметил, что в обществе отсутствует соответствие между добродетельным поведением и счастьем, которое он считал воздаянием за него. Как известно, Кант дифференцировал все императивы на гипотетические (рассматриваемые как средство для достижения цели) и категорические (когда предписание выступает как цель)¹⁶. Он полагал, что всеобщий закон нравственной жизни заключается в процедуре императивности, центром которой является долг (но не верность), а его нормативное содержание весьма различно у разных социальных слоев и даже групп.

Нормы права, являясь формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики, составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления, но, наряду с этим, в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих тенденций при рассмотрении юридических форм с учетом формирования нового нормативного содержания. Представляется важным с теоретической и практической точек зрения выявить обстоятельства, влияющие на развитие и содержание данной категории.

По словам В. С. Нерсесянца, «при всей своей относительной самостоятельности право, как и другие виды социальных норм, осуществляет свои специфические регулятивные функции не изолированно и обособленно, а в едином комплексе и тесном взаимодействии с другими социальными регуляторами»¹⁷. Теория правопонимания В. С. Нерсесянца в отечественной юридической литературе некоторое время назад активно пропагандировалась, несмотря на то что сводила сущность права к таким составляющим, как «равенство свободных и независимых друг от друга субъектов права по общему для всех масштабу, единой норме, равной мере»¹⁸. Обосновывалось, что право – это свобода как «существо правовой формы бытия»¹⁹.

Таким образом, сущность права представлялась как формальное равенство, свобода и справедливость. Последователи В. С. Нерсесянца дополняют компоновку сущности права свободами человека, их защитой, выраженной в законе, который в силу этого становится правовым. Понятно, что указанные идеи привнесены из естественно-правовой доктрины и по существу являются ее прочтением на современный лад. Современное либеральное мышление предпринимает немалые усилия для переосмысления наиболее значимых характеристик права. Речь в первую очередь идет об определяющих признаках права, таких его характеристиках, как волевая нормативность, генетическая и функциональная связь с государством (правотворчество и обеспечение реализации правовых норм) и его обусловленность экономикой, политикой, интересами и др.

По мнению Н. А. Власенко, здесь «коэффициент» неопределенности достигает еще большего уровня и дополнительные комментарии вряд ли требуются²⁰. Он справедливо считает нецелесообразным отрицать усилия ученых в поиске ответа на вопрос, что такое право и что является его основой с познавательных и прагматических позиций? Именно этим объясняется острота вопроса о результативности научных исследований и, соответственно, их методологической эффективности.

Тем не менее всё больше сторонников приобретает интегративный (интегральный) подход. Как вполне резонно напоминает В. В. Лазарев, «собственно юридические потребности – потребности разрешения юридических дел, юридических споров – требуют по возможности полной определенности в том, что есть право, а что таковым не является. Неопределенность здесь может оказаться пагубной как для властвующих, так и для подвластных...»²¹.

В современной ситуации вопрос об определенности взаимоотношений государства и гражданского общества приобретает ключевое значение. Это объясняется не только беспрецедентным за последние десятилетия противостоянием с Западом, но и неизбежными, обусловлен-

¹⁶ См.: Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 290.

¹⁷ Нерсесянц В. С. Юриспруденция. М., 1998. С. 50.

¹⁸ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 17.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ См.: Власенко Н. А. Проблемы продуктивности современного правопонимания : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Правовое регулирование в XXI веке». Белгород, 2016. С. 19–20.

²¹ Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 5.

ными происходящими событиями трансформациями во внутренней политике. Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом, мы приходим к выводу, что причинами очевидного рассогласования, различных оценочных позиций стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка.

Государство должно взять на себя ответственность за формирование реальных, а не декларативных предпосылок для создания новых отношений с гражданским обществом, преодоления разногласий и стабилизации как социально-экономического, так и политического положения. В противном случае нашу страну подстерегает серьезная опасность превращения в авторитарное государство, в котором фактически нет гражданского общества, а все его декорации (профессиональные и творческие союзы, коммерческие и религиозные организации) находятся под жестким державным контролем. Нет сомнений, что при такой расстановке сил, фактически находясь в плену политических иллюзий, по-настоящему социальное государство функционировать не может.

Противостоять угрозе авторитарной перспективы развития страны, по нашему мнению, может только государство созидające²². Ю. Н. Стариков и О. С. Рогачева справедливо обращают внимание на подчеркиваемую взаимосвязь правозащитной и правоохранительной форм государственной деятельности в обеспечении гарантий охраны достоинства личности в государстве созидające²³.

В чем основной смысл государства созидającego, каково его рациональное зерно, его философский камень? В государстве созидające одной из важнейших задач ближайшего будущего (в случае адекватного восприятия нами «прорыва в новый технологический уклад») является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой геополитической ситуации. Основным принципом его деятельности является уважение к закону, обязательное не только для народа, но и для представителей органов власти.

²² См.: Тонков Е. Е. Государство созидające как вектор развития современной России. М., 2019.

²³ См.: Стариков Ю. Н., Рогачева О. С. Государство созидające : переосмысление сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 3. С. 376.

Всеобъемлющее уважение к закону, как бы пафосно это ни звучало, должно превратиться, если хотите, в политическую религию созидającego государства, стать той национальной идеей, поисками которой так долго и безуспешно заняты наши политики, философы и государственные деятели. Модернизация юридических форм государственной деятельности, их совершенствование могут придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению духовного кризиса, стать одним из определяющих факторов развития гражданского общества в сложных условиях неопределенности. Не случайно С. С. Алексеев отмечал, что «сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами... оптимального решения социальных задач»²⁴.

Используя авторитет и силу публичной власти, административный ресурс аппарата, государство созидające способно выполнить роль мощного активатора общественной жизни, организовать эффективное управление обществом, обеспечить реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности. В государстве созидające решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие (если не сказать – реакционные) идеологические стереотипы до настоящего времени преобладают в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах в силу понятных причин сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней.

Особое значение имеют иные подходы к оценке и реформированию самой матрицы государственной деятельности. В государстве созидające должен существовать основной, ведущий методологический подход к формированию правовой политики. Не единый и обязательный для всех, а преобладающий, доминирующий, выступающий базой методологического инструментария.

²⁴ Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 351.

Только так можно заручиться хотя бы некоторой гарантией того, чтобы право в случае очередной политической целесообразности не сочеталось с произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. По мнению Ф. Ницше, которое не прочь поддержать некоторые современные политики, «произвольное право необходимо... у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще»²⁵.

Абстрагируясь от содержательного и терминологического анализа механизма правового регулирования, выполненного целым рядом блестящих и весьма авторитетных теоретиков права, подчеркнем, тем не менее, что результативность правового регулирования в государстве созидающем – это, прежде всего, достигнутая, реальная, а не смоделированная степень упорядоченности общественных отношений. Действенность правовых средств при этом усиливается формами их предъявления (организационными стандартами). Более того, как и любое правоотношение субъектов взаимодействия, процесс правового регулирования преобразует и само государство, получающее от общества обратную связь. Однако каждый субъект (как государство, так и общество) в процессе правового регулирования стремится к своим персонифицированно значимым результатам. Мы не можем недооценивать тот факт, что нередко публичные и частные интересы не могут признаваться тождественными. Однако поиск баланса между ними и компромиссных решений, порождающих наименьшие негативные последствия, составляет одну из приоритетных задач созидającego государства.

Граждане видят свой результат в преобразованных предметах и правовых явлениях (тех или иных юридических фактах), удовлетворении своих частных притязаний, а для государства эти результаты имеют качественно другую ценность, выступая в виде обобщенных показателей эффективности процесса правового регулирования. Прямая зависимость правового регулирования от характера его цели проявляется при любом масштабе государственной деятельности (абстрактная ли это цель – правовой идеал, или же – конкретная правоприменительная практика).

Сегодня кризисные тенденции затронули практически все политико-правовые формы общественной жизни. Трансформация отношений правового регулирования предполагает необходимость переосмысления сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе. Эта потребность объясняется тем, что теоретические положения и формулы уже не в состоянии предоставить нам адекватные ситуации толкования происходящих перемен и, тем более, прогнозировать предстоящие катаклизмы. Качественная деформация политических и экономических отношений с Западом на фоне расширения субъектного состава Федерации является одновременно и поводом изменения содержательной характеристики всей правовой системы, а не только ее международно-правового аспекта.

По ироничному и прогностически точному замечанию И. А. Исаева, «амбициозная убежденность современной политико-правовой науки в чистом рационализме своих категорий и понятий в жизни постоянно сталкивается с неизвестно откуда возникающими феноменами иррационального и стихийного»²⁶.

Если в 90-х гг. XX в. и начале века нынешнего мы наблюдали разрушение монополии государственной собственности и сопровождение этого процессом приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, в результате чего произошло снижение уровня жизни значительной части населения, то в настоящее время осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Бифуркационные всплески социально-политических процессов приводят к тому, что криминальная деятельность нередко становится в глазах определенной части населения социально престижным занятием. Если в обычной ситуации лица, сознательно преступившие закон, ассоциируются в массовом сознании с маргинальными слоями общества, то в период консервации общественного влияния на государство они стремятся к позиционированию в качестве самостоятельной социальной группы. Правовой нигилизм, участие в противоправной деятельности, принадлежность к тем или иным преступным кланам и группировкам превращаются в предел желаний и социальных ожиданий. Часть

²⁵ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 431.

²⁶ Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С. 8.

населения, особенно молодежи, мечтает войти в состав криминальных структур.

Возрастающее распространение таких стереотипов и ориентаций позволяет предположить наличие нежелательных перспектив у российской коррупционной среды, которая имеет значительные социальные ресурсы. В целом проявившаяся активизация «беловоротничковой» преступности на федеральном и региональном уровнях становится симптомом, предвестником нежелательных социальных катаклизмов. На этом тревожном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственной стратегии противодействия коррупции, так как попытки политического руководства начать борьбу с ней пока успешно блокируются бизнес-бюрократией и недобросовестными чиновниками.

В связи с этим нельзя согласиться с позицией уважаемого нами В. В. Момотова, положительно оценивающего тот факт, что в последнее время в гражданском законодательстве появляются так называемые каучуковые (эластичные) нормы права, имеющие неконкретный и универсальный характер, «требующие судебной оценки, личностного измерения судьи». По мнению ученого, это «хороший пример взаимного влияния и взаимозависимости судебной практики и законодательства посредством восприятия судьи»²⁷. На наш взгляд, это, напротив, свидетельствует о коллизиях и пробелах в действующем законодательстве, содержащее коррупционный ресурс правоприменителя.

В свое время первый Национальный план противодействия коррупции породил великое множество других планов, программ, мероприятий, разработанных на всех уровнях государственного и муниципального управления, которые невольно могут «утопить» хорошую в общем-то идею в ворохе антикоррупционной отчетности. Государство до тех пор не сумеет справиться с возложенными на него функциями в правоохранительной сфере, пока его контрольно-надзорная деятельность не будет соответствовать философии осуществляемых преобразований во внутренней и внешней политике. Поэтому совершенствование юридических форм государственной деятельности должно осуществ-

ляться координированно, на основе единой концепции, с учетом их взаимозависимости, хотя они отличаются друг от друга содержанием реализуемых функций и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств, а также направленностью юридических процедур и последовательностью их осуществления.

Неблагоприятный общий прогноз криминальной ситуации может существенно усугубиться прогрессирующими негативными процессами в экономике, несмотря на оптимистические заявления приближенных к власти политологов, возглавляющих якобы независимые фонды и другие структуры, финансируемые правительством непосредственно или опосредованно. Вместе с тем механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Достижению такого результата должны быть подчинены усилия всех составных элементов механизма правового регулирования.

Принципиально важно отделить юридические формы государственной деятельности от неправовых (неюридических). Мы придерживаемся позиции Н. И. Матузова, что в решении вопроса о сущности права, правовой системы необходима уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство²⁸.

Результатом анализа существующих подходов к оценке соотношения политики и права становится понимание того, что до настоящего времени в научной среде не сложилось однозначного представления о методологии исследования проблемы. Изменившиеся экономические, политические и социокультурные условия неизбежно обуславливают перенос акцентов с интересов общества на интересы личности. Это существенно влияет на саму парадигму управления обществом, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют ос-

²⁷ Момотов В. В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства : российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 7.

²⁸ См.: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 103.

мысления и обоснования на теоретико-методологическом уровне.

Подобная ситуация будет возможна до тех пор и там, где имеются грубые управленческие просчеты, так называемые «глухие» места властной вертикали, где «сила права» ничего не может поделать с «правом силы». Поэтому ведущим стратегическим направлением становления государства созидающего в его стремлении вырваться из порочного круга политических иллюзий и неприемлемых амбиций является формирование системы активного воздействия граждан на государство через институты гражданского общества.

Понятие достоинства исторически сопряжено с понятием прав человека и поэтому рассматривается нами в неразрывной связи. Выступая в виде аксиологической детерминанты личности, достоинство формирует ее самооценку и одновременно экстраполирует ее на общество. В достоинстве воплощаются представления человека о своих притязаниях и о признанности этих притязаний окружающими – отдельными лицами, социальной группой, обществом в целом, государством.

В государстве созидающем достоинство личности приобретает статус общепризнанного и конституционно обусловленного феномена, нормативно конкретизированного и позволяющего ей находиться под охраной государства в виде законодательных, институциональных и процессуальных гарантий, а также осуществлять формализованную и неформализованную самозащиту в случае посягательства на ее права и свободы.

Государство созидающее базируется на совершенном, организационно устроенном гражданском обществе, не только юридически развитом с точки зрения позитивного права, но и характеризующимся гуманистической идеологией. основополагающие естественно-правовые идеи, адаптированные к современному устройству общества, способствуют признанию государством созидающим достоинства личности как магистральной, стержневой ценности всех существующих правоотношений. Личность в нем наделяется возможностью выступать полноценным субъектом права, а государство принимает на себя обязательство охраны человеческого достоинства от посягательств третьих лиц

и обеспечение уважительного отношения к населению, в том числе и со своей стороны. Равные возможности в обеспечении реализации прав человека служат показателем соблюдения государством достоинства личности.

Библиографический список

- Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999.
- Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998.
- Бандуровский К. В. Проблемы этики в «Сумме теологии» Фомы Аквинского // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 156.
- Власенко Н. А. Проблемы продуктивности современного правовопонимания // Материалы Международ. науч.-практ. конф. «Правовое регулирование в XXI веке». Белгород, 2016. С. 19–20.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1.
- Гоббс Т. Левиафан. Человеческая природа. О свободе и необходимости / пер. с англ. А. Гутермана. СПб., 2022.
- Графский В. Г. Правовое общение в прошлом и настоящем // Право и политика. 2011. № 1. С. 76.
- Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М. : Наука, 1977. С. 65.
- Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М. : Юристъ, 2006.
- Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.
- Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 5.
- Маклаков В. В. Современные зарубежные конституции : учеб. пособие. М., 1992.
- Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003.
- Момотов В. В. О влиянии судебной практики на развитие российского законодательства : российский опыт в исторической ретроспективе // Российская юстиция. 2022. № 9. С. 7.
- Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997.
- Нерсесянц В. С. Юриспруденция. М., 1998.
- Ницше Ф. Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 1.
- Платон. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 744.
- Рикен Ф. Платонизм и прагматизм. Интерпретация Платона, «Politeia» // Теология и Философия. Фрайбург, 1995. № 70, вып. 4. С. 481–493.
- Старилов Ю. Н., Рогачева О. С. Государство созидающее : переосмысление сложившихся позиций и точек зрения на новой методологической основе // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. № 3. С. 376.
- Тонков Е. Е. Государство созидающее как вектор развития современной России. М., 2019. 392 с.

References

Alekseev S. S. Right. Comprehensive research experience. M., 1999. P. 351.

Aristotle. Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories. Minsk : Literature, 1998.

Bandurovsky K. V. Problems of Ethics in Thomas Aquinas "Summa Theology" // Questions of Philosophy. 1997. № 9. P. 156.

Vlasenko N. A. Problems of productivity of modern legal understanding // Proceedings of the international scientific-practical conference "Legal regulation in the XXI century". Belgorod, 2016. P. 19–20.

Hegel G. W. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. M., 1974. T. 1.

Hobbes T. Leviathan. Human nature. On freedom and necessity: transl. from English. A. Guterman. SPb., 2022.

Grafsky V. G. Legal communication in the past and present // Law and Politics. 2011. № 1. P. 76.

Drobnitsky O. G. Problems of morality. M. : Nauka, 1977.

Isaev I. A. Power and law in the context of the irrational. M. : Lawyer, 2006.

Kant I. Opus in 6 vols. M., 1965. T. 4, part 1.

Lazarev V. V. Search for Law // Journal of Russian Law. 2004. № 7. P. 5.

Maklakov V. V. Modern foreign constitutions. Tutorial. M., 1992.

Matuzov N. I. Actual problems of the theory of law. Saratov, 2003.

Momotov V. V. On the impact of judicial practice on the development of Russian legislation: Russian experience in historical retrospective // Russian Justice. 2022. № 9. P. 7.

Nersesyants B. C. Philosophy of law. M., 1997.

Nersesyants V. S. Jurisprudence. M., 1998.

Nietzsche F. Works in 2 vols. M., 1990. T. 1.

Platon. Collected works. M., 1994. T. 4.

Ricken F. Platonismus und Pragmatismus. Eine interpretation von Platon, "Politeia" // Theologie und Philosophie. Freiburg etc., 1995. Jg. 70, H. 4, p. 481–493.

Starilov Yu. N., Rogacheva O. S. State creating: rethinking the existing positions and points of view on a new methodological basis // Proceedings of the VSU. Series "Right". 2019. № 3. P. 376.

Tonkov E. E. The state of creation as a vector of development of modern Russia. M., 2019. 392 p.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Тонков Е. Е., доктор юридических наук, профессор, директор юридического института
E-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Пожарова Л. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

E-mail: pozharova@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию: 14.12.2022

Для цитирования:

Тонков Е. Е., Пожарова Л. А. Достоинство личности как приоритет государства созидającego // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/41-52>.

Belgorod National Research University

Tonkov E. E., Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the Law Institute
E-mail: ETonkov@bsu.edu.ru

Pozharova L. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department

E-mail: pozharova@bsu.edu.ru

Received: 14.12.2022

Recommended citation:

Tonkov E. E., Pozharova L. A. Dignity of the individual as a priority of the state of creation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/41-52>.